

«ИНФОРМИРОВАННОЕ СОГЛАСИЕ» И «ЭТИКА СПИНА»

Мацевич М. Я., канд. филос. наук, доц., г. Минск

Принцип «информированного согласия», вероятно, самый важный в области биомедицинских исследований и клинической практики. Он был разработан отчасти в ответ на страшные злоупотребления медицины, генетики, совершаемые нацистами, отчасти путем отказа от патерналистских мистификаций в современной медицине. После Второй мировой войны «информированное согласие» стало фигурировать в качестве ведущего требования и нравственного императива биомедицинской этики. Последние годы вышеозначенный принцип постепенно превратился в устойчивую проблему. Некоторые из экспертов указывают на то, что в «незападных» культурах, например, в Китае, индивидуум, личность не являются понятиями, несущими в данной культуре фундаментальное значение. Гораздо большее внимание придаётся коллективной идентичности. Другие эксперты считают, что согласие никогда не может быть «полным», как и информационная компетентность, поэтому, необходимо сосредоточиться именно на том, как граждане на самом деле общаются друг с другом. Психологи утверждают, что люди не являются рациональными агентами, которые обрабатывают информацию и поэтому нельзя достичь простых решений. Социологи предполагают, что при острых конфликтах или чрезвычайных ситуациях в целях содействия общественному благу абсурдно требовать согласия от всех. Согласие и «информированное согласие» являются центральными элементами нашей современной нормативно-правовой базы. Мои тезисы фокусируются на концептуальных и этических основах «информированного согласия», помещая термин в широкий контекст, я акцентирую внимание на нормативных аспектах коммуникации и знания, на важности метафоры согласия, которые формируют наше представление о дозволенности, разрешённости, а также аксиологической природе самого знания. Есть некие всеобщности, которые присущи и миру физических явлений, и сфере духовного бытия, и пространству языка. Речь идёт о «значимости». Но здесь как бы уже само понятие изначально противоречиво, последнее состоит в объективной и субъективной значимости. Противоречия возникают и при попытке соотнесения данной категории с другими категориями аксиологии. И все-таки, в философии ценности на первом плане стоит понятие «значимости», а не «долженствования». Это объясняется тем, что должное можно отнести к

ценности, но не каждая ценность обосновывает долженствование (кроме этических ценностей). М. Хайдеггер проводил различие между: «что-то имеет ценность» и «что-то является ценным». Из этого следует, что значимое является или само по себе ценностью, или существование есть то, что имеет ценность. Существующее же, без ссылок на ценность, является лишь фактом, который только в свете предпосланных ценностей может находиться среди дифференциаций значимостей и в состоянии быть оцененным.

Сегодня появилась так называемая «этика спина». Спин – это метод маркетинга, отвлекающий маневр. Вторая не мене значимая область исследований «спина» в гуманитаристике – политический «спин». «Спиновый момент» включает в себя избирательное толкование (выбор аспектов ситуации; лексики; оценочных и риторических элементов); подобные интерпретации создаются с целью привлечения внимания и обретения преимуществ в конкурентных рекламных коммуникативных контекстах. Текущее использование термина в этике датируется началом 1980-х годов. Хотя, само явление, конечно, гораздо старше: ещё классическая риторика подчёркивала важность влияния на аудиторию посредством эмоций. Далее И. Бентам задолго до введения термина «спина» использовал моральную оценку по приносимой ей мере пользы. «Этика спина» в данном случае – принцип достижения «наибольшего счастья наибольшего числа индивидуумов».

Таким образом, «этика спина» даёт целый ряд эпистемических загрязнений. «Этика спина» предполагает избирательное толкование понятий и явлений, где процесс отбора информации, решение, каким образом интерпретировать, что давать или не давать в эфир, как нечто формулировать, – определяется целью и степенью воздействия на аудиторию. Так что, вместо предоставления аутентичной интерпретации мира, «спиновые каналы» искажают реальность, прямо как по Лакану, переводя её в сферу символического или воображаемого. Что ещё хуже, чтобы быть эффективным, «спиновый» момент импульса должен быть замаскирован под нечто другое («спин-оф» в литературе и кинематографе). Анастезированная «спиновая этика» подрывает нашу эпистемическую ответственность. Мы привыкаем полагаться на других, привыкаем быть обманутыми (эпистемическая добродетель «этики спина»): где доказательства ограничены, мы не видим и не ожидаем декларации истины; где доказательства сильны, мы не желаем замечать корыстного и неискреннего выражения сомнений.